

порядокъ и напечатаны „Mémoires et Correspondances“ Катина, по рукописямъ, сохранившимся въ семьѣ маршала, то туда же были включены и 8 шифрованныхъ депешъ, найденныхъ среди бумагъ и доселѣ остававшихся не разъясненными. Двѣ изъ этихъ депешъ помѣчены именно 8 и 9 июля. Комендантъ Базери, какъ экспертъ по части криптологіи, возстановилъ шифръ Людовика XIV и перевелъ эти двѣ пресловутыя депеши. Въ депешѣ отъ 8 июля онъ нашелъ слово „маска“. Слово это представлено въ шифрованномъ текстѣ числомъ 330. Но это число ни разу не повторяется болѣе въ другихъ депешахъ, вслѣдствіе чего нельзя провѣрить точность толкованія. Но пусть это означаетъ „маску“. Прежде всего предписаніе объ употребленіи маски при дневныхъ прогулкахъ вполне естественно: это дѣлалось съ той цѣлью, чтобы не подвергать генераль-лейтенанта, прослужившаго 45 лѣтъ, оскорбительному любопытству солдатъ. Кромѣ того, надѣваніе маски на узниковъ повторялось не разъ. Во всѣ времена было много узниковъ, личность которыхъ такимъ образомъ скрывалась отъ злобы его окружающихъ.

Если принять толкованіе коменданта Базери, все остальное будетъ послѣдовательно въ его книгѣ. Изъ сопоставленій его текстовъ выходитъ, что Бюлондъ былъ маскированнымъ узникомъ Пиньероля, что его перевели на острова Святой Маргариты, а затѣмъ въ 1698 г. привезли въ Бастилію, гдѣ онъ и скончался въ 1703 г. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вы должны принять непременно, что въ той фразѣ „... а въ тѣ дни, когда онъ будетъ выпускаться на прогулки по валу въ... 330“, это вѣщее число обозначаетъ слово въ „маскѣ“. Если же вы не согласны на это, то значить все таки еще не сказано послѣднее слово о человѣкѣ въ желѣзной маскѣ.

* * *

Траты Наполеона I на собственную особу. Изъ книги Мазе-Сансье, посвященной хозяйственнымъ и домашнимъ дѣламъ Наполеона, гдѣ описана роскошь, какою онъ окружалъ свою первую состоятельную супругу, которой послѣ развода съ императоромъ не хватало на ея персону трехъ милліоновъ франковъ, и свою вторую болѣе скромную супругу, мы узнаемъ также и о томъ, сколько великій императоръ французовъ тратилъ на себя. Вообще по отношенію къ собственной особѣ онъ былъ экономенъ. Послѣ его коронованія на его гардеробъ ежегодно была ассигнована сумма въ 70.000 франковъ; въ дѣйствительности на этотъ предметъ онъ никогда не затрачивалъ болѣе 20.000 франковъ. Мундиръ его стоилъ 200—240 франковъ, причемъ онъ носилъ его до послѣдней возможности, не считая унижительнымъ для своего достоинства надѣвать починенное платье. Въ холодную или дождливую погоду онъ вутался въ простую сѣрую шинель, за которую придворный его портной подавалъ ему счетъ въ 190 франковъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Наполеонъ носилъ обыкновенно маленькія шляпы, безъ всякихъ украшеній, платя за каждую по 48 франковъ.

Зато придворный парфюмеръ поживился отъ императора. Въ особенности много истреблялъ Наполеонъ одеколону, считая его не только освѣжающимъ средствомъ, но и весьма здоровымъ для основательнаго ежедневнаго обтиранія туловища по утрамъ. Такъ, на примѣръ, отъ начала іюня по конецъ сентября ему потребовалось для того 162 стлянки одеколону, за что заплачено было 423 франка. Кромѣ того, онъ очень любилъ запахъ алоэ. Въ 1808 году онъ заплатилъ 720 франковъ за 10 унцъ алоэ. Мыло онъ также употреблялъ дорогое, 4—5 франковъ за кусокъ.

Перчаточникъ его тоже не былъ въ убыткѣ. За одинъ только октябрь мѣсяцъ 1808 года представлено было императору 48 паръ перчатокъ изъ оленьей кожи и 24 пары изъ тончайшей козьею кожи. На сколько времени хватило такого запаса для императорскихъ рувъ, правда, нѣтъ указанія, но подобныя поставки повторялись довольно часто.

Но особенная роскошь (соблюдалась у Наполеона въ нижнемъ бѣльѣ. Онъ отличался педантичною чистоплотностью и ежедневно мѣнялъ верхнюю

и нижнюю сорочки. На верхнія сорочки употреблялось тончайшее полотно; это очевидно уже изъ того, что въ 1808 году за матеріалъ на 6 дюжинъ рубашекъ было заплачено свыше 5.000 франковъ. Сотня батистовыхъ платковъ стоила 1.400 франковъ слишкомъ. Всего на полотняныя вещи въ томъ году императоръ затратилъ 10.000 франковъ, слѣдовательно, почти половину той суммы, которую онъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно тратить на свое платье.

Но никогда не доставалось придворнымъ поставщикамъ Наполеона такой богатой поживы, какъ при его коронаваніи. Ни до, ни послѣ того не раздавались въ Тюльери въ такомъ обиліи драгоценнѣйшіе подарки и никогда королевскій дворецъ при Сенѣ не былъ свидѣтелемъ такой неслыханной роскоши, какъ въ то время. Коронаціонныя облаченія императора и императрицы стоили вмѣстѣ 650.000 франковъ, коронаціонные костюмы высшихъ сановниковъ — 150.000 франковъ. За драгоценныя украшенія заплачено было около 700.000 франковъ. За медали на память объ этомъ событіи 20.000 франковъ. Въ общей сложности коронаціонныя празднества поглотили чудовищную сумму въ 5 милліоновъ—подобной затраты на коронацію не было произведено ни однимъ изъ монарховъ во времена французскаго королевства. И тѣмъ не менѣе, Наполеонъ I никогда не былъ въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Какъ въ государственной казнѣ, такъ и въ собственномъ хозяйствѣ у него царилъ образцовый порядокъ. Далекій отъ того, чтобы позволить обирать себя своимъ придворнымъ поставщикамъ, императоръ просматривалъ каждый счетъ на самый пустякъ, причемъ придворнымъ поставщикамъ почти всегда приходилось сбавлять поставленные цѣны.

* * *

Герцогъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, какъ актеръ. Недавно скончавшійся герцогъ Кобургскій Эрнестъ извѣстенъ былъ своей многосторонностью. Онъ заявилъ себя, какъ правитель, дипломатъ, воинъ, охотникъ, композиторъ, историкъ, актеръ и поэтъ. Неудивительно, что нѣмецкія изданія переполнены воспоминаніями и анекдотами о немъ. Вотъ одно изъ наиболѣе достовѣрныхъ воспоминаній, принадлежащее извѣстному нѣмецкому артисту Фридриху Гаазе.

Когда въ февралѣ 1868 года герцогъ Эрнестъ выразилъ намѣреніе сыграть въ компаніи съ мѣстными аристократами во дворцѣ, въ Готѣ, „Стаканъ воды“ Скриба, въ присутствіи приглашенныхъ гостей и взять на себя лично исполненіе роли Болингброка, кобургская аристократія возликовала, оживилась и принялась усердствовать въ интересахъ этой затѣи.

„Я,—пишетъ Гаазе,—состоялъ въ то время директоромъ придворной герцогской сцены и получилъ отъ его высочества приказаніе взять на себя режиссерство спектакля, въ особенности же посвятить мое вниманіе особѣ его высочества, и строго преслѣдовать его за самомалѣйшія промахи.“

Это было не легко, такъ какъ предстояло исправить изрядную массу крупныхъ промаховъ, прежде чѣмъ я могъ приняться за самомалѣйшія. Герцогъ горячо относился къ дѣлу, и его энергія и возбужденіе видимо передавались всему благородному собранію.

Репетицій было очень много, и всѣ, включая Герцога, говорили свои роли безъ суфлера. Герцогъ серьезно объявилъ, что глубокомыслие діалога до такой степени захватываетъ его, что ему требуется постоянное напоминаніе суфлера, чтобы остаться „au fait“.

Мнѣ хотѣлось улыбнуться, такъ какъ это замѣчаніе напомнило мнѣ различныхъ знаменитыхъ коллегъ, которые нерѣдко говорили тоже самое. Несмотря на трудность запоминанія, съ каждой репетиціей герцогъ становился все свободнѣе, проявилъ себя, какъ прелестный сатирикъ и выказалъ настоящій, заразительный юморъ, что я по чести и могъ ему замѣтить, причемъ я, конечно зналъ, что ему пріятно будетъ услышать это.

Его затрудняли только движенія и держаніе шляпы и длинной палки.